

Виталий
ВОЛКОВ

Хайко
ДЕГЕН

ПИСЬМА
ИЗ РАЙСКИХ
КУЩ

2018 год. Австрия и Польша грозят Брюсселю созданием нового европейского пакта, в котором не будет места «пара-исламскому» западу Европы. Восток Германии латентно становится местом репатриации бывших жителей ГДР и реинкарнации «христианской» Европы. Но в Брюсселе политики стараются не заметить этого.

Журналист Виктор возвращается в Кельн из командировки в Европарламент. В письме своему другу Хансу, реиммигрировавшему из Вестфалии в места своей юности, в восточные земли ФРГ, он делится тем, что происходит в его семье. Сын Виктора выражает намерение конвертироваться в ислам. Виктор начинает разбираться, что за этим стоит — свободная воля молодого человека, веянье моды или рискованная политическая интрига, направленная против самого Виктора.

«Письма из райских куц» — авторский русскоязычный вариант книги «Briefe aus den Garten Eden», изданной в Австрии на немецком языке в 2015 году.

Виталий Волков Хайко Деген Письма из райских куц

Пролог

Уважаемые дамы и господа,
уважаемая редакция.

Текст, который я вам отправляю с предложением опубликовать, по нынешним временам и при сегодняшних нравах и правилах является моей собственностью, хотя достался мне, хочу предупредить, при обстоятельствах странных, и, вообще-то, если по справедливости, публиковаться не должен. Его авторы наверняка согласия на публикацию не дали бы, хотя владельцами письменного материала, попавшего ко мне, были, как я догадываюсь, не они, а государство. В моих же руках он оказался в силу человеческой слабости. Проживая поблизости от Вены, в курортном Бадене, я нередко встречаю там игроков, картежников, которых притягивает знаменитое местное казино. Не всем им везет на масть, а кое-кого даже не пускают уже в стены этого дворца азарта, и они ищут компанию, с кем

бы перекинуться, сбить пульку или вист. Есть тут пара кафе, за которыми ходит слава, что там родственные души могут найти встречность. В одном из таких кафе частенько сиживаю и я, потому как чем еще развлечь себя свеженькому вдовцу с доброй пенсией учителя словесности и жениным наследством, которое уже не потратить при скромной моей жизни. На большие деньги я не игрок, и никогда не был, а по маленькой, да с каким-нибудь поистрепавшимся лузером — самое милое дело. Потому как тут всегда не одна игра, тут характерность, тут рассказ. Обязательно вылезет чья-то драма, история, обязательно вскрыется человеческий нарыв. То о жене, то о дочери своей нелюбезной. То о самом себе так критически, с такой пронизательностью к порокам и слабостям расскажет лузер, такое «красное и черное» выпишет, такую американскую трагедию, что какой там Стендаль, какой Драйзер! А я грешен, я не горд, я подбираю и домой несу. Это мой выигрыш. Там запишу в свой дневник, в свою копилку, а потом, через месяц ли, через два, сяду у окошка, надену очки, и все судьбы перелистаю. Кто что копит. Один марки, другой монеты, третий женщин. А у меня такая вот страсть. Писателем бы мог стать, только писатель рядом со мной — существо зависимое, да к тому же растратчик. В другом, в широком смысле и в моем, конечно, понимании.

Ведь он как почтальон — тоже с марками всю жизнь, а не собирает, только отправляет по чужим адресам.

О почтальонах не зря я заговорил: тот мой лузер, о котором речь, наверняка или на почте состоял, или в тайной службе. Иначе откуда у него эта пачка писем, что он мне проиграл? Так вышло, что не на что ему играть стало, и он, заглянув мне в глаза, возьми и предложи на кон такое поставить, чего ни у других нет, ни у меня. Картежник, если он настоящий игрок, а не спортсмен и не барин скучающий, проникновением обладает потрясающим, интуицией уникальной. Нагнулся к моему уху и говорит, что письма у него есть, пачка писем с такими судьбами, с таким вывертом, что хоть сразу в музей страстей или на страницу журнала, хотя нет такого журнала, которому они вровень. Не часы фамильные, не перстень, а переписку двух мужчин, свеженькую совсем, можно сказать, только с письменного стола снятую, ставит мой Растиньяк на кон. Не электронную почту-однодневку, а копии настоящих, то есть на бумаге запечатленных чувств, может статья, бессонных ночей, проведенных в раздумьях над строками. Взял меня Растиньяк с потрохами, на мою страсть, так сказать. Тут его победа. Что мне часы или перстень! А когда увидел, что взял меня в оборот, то предупредил — письма странные, один

другому на немецком пишет, а второй, сам писатель, на русском отвечает. Только меня это еще сильнее взяло, я ведь словесник, филолог, хоть и школьный червь, я до пенсии в Бадене слыл знатоком русского. Как же, Гоголь, Тургенев, Достоевский! Все они у страсти на крючке... Но я отвлекся. Вернусь к Растиньяку. Как уж он угадал, что и двуязычье мне точно в масть? Не знаю. Судьба игрока не адресное бюро, справок не дает, а просто ведет. И уж не игроку о совпадениях ее спрашивать, мол, как и почему? Как уж письма к нему попали, я интересоваться тогда не стал, а после и подавно. Письма-то оказались очень себе на уме. Выиграл я их, легко выиграл тогда, даже слишком легко, хотя играли за каждое письмо отдельно, но мной азарт овладел, и хотелось для себя всю чужую историю, драму аж сразу двоих человек, дуплетом, так сказать, домой унести, ничего не упустить, так что пока все не отобрал у Растиньяка моего несчастливового, то от стола не встал, пусть уже другие глядели на меня с укоризной. А с картой лузеру моему совсем не везло. Никак не шла.

И вот принес я выигрыш домой, принес глубоко за полночь, а не дотерпел до утра, стал читать, и так, пока не прочел, не лег на покой. Нехорошее чувство на душе поселилось, беспокойное. Не те тут страсти, не те тайны, кои

пристало хранить в домашнем сундуке, в стариковском дневнике. Все вокруг одного крутится, кто тварь дрожащая, а кто право имеет. И убийство есть, только убийцы будто бы нет. Не найден. Вокруг ходит, совсем рядом. Непокойно. Как будто на базаре ужа купил, а это не уж, а удав оказался, и вот ты уснешь, или из дома выйдешь, в кур-парк или в серную купальню, а вернешься — он уже вырос, и тебя целиком заглотит. Непокойно. А что больше спокойствия ценишь с годами? Только внимание к себе. Самый редкий товар. И вот взялся я, как молодой, переводить письма, и спешил, и торопился, а как перевел, так сразу отправляю вам. Сбыть, так сказать, со собственных рук, хоть и оставить при себе. Впервые в жизни изменяю натуре, побуду хоть не писателем, так публицистом. Публикуйте, только с моим прологом, потому как соавтором назвать себя никак не могу, (пусть и много моего труда вложено в этот текст), но все-таки след сопричастности оставить желаю. К тому же расставил я их в должном порядке, проложил сквозную нумерацию, и перевести старался поближе не к букве, а к сути, как я ее понял, как она меня взволновала. И название мое прошу сохранить.

С уважением,
НН

21 января, 2021

Виктор-1

Мой дорогой Ханс!

Надеюсь, ты простишь меня, что так давно тебе не писал, не отвечал на твое последнее письмо. Меня извиняет то, что я находился в разъездах, и только что вернулся из благородного Брюсселя.

Спасибо тебе за совет, я им воспользовался. Впрочем, подозреваю, ты уже забыл, о чем речь. Но все равно спасибо. Однажды после тренировки ты задал мне вопрос, зачем вообще хотеть жить? Я в последние недели отчего-то часто размышляю над твоим вопросом, а ведь тогда он показался мне подростковым, максималистским, не мудрым. Теперь я сам иначе, чем тогда, смотрю на жизнь, на ее философскую начинку.

Чем хороши письма — можно перепрыгивать с мысли на мысль, как со льдины на льдину. Некуда спешить, потому что если уж пишешь другу, то не формы ради, а от сердца к сердцу. Так у нас говорили. На исторической моей родине.

Фокус в том, что я достиг пика, а света нет. В советские времена ходила такая фраза: «Сижу в президиуме, а счастья нет». Советского Союза давно нет, а формула осталась...

Моя книга очевидно имеет успех. Во Франции и в Испании ее за этот год покупали чаще, чем кулинарный справочник Феркеля унд Ко. А кулинария, наравне с сексом, как ты прекрасно знаешь, и ныне куда популярнее философской прозы. *Essen ist Sex des Alters.*

В Брюсселе мне вручили премию. Пустяк, а приятно. Должно было бы быть приятно. Двадцать тысяч евро и диплом от Фонда защиты консервативных ценностей имени Ангелы Меркель. Но меня угнетает парадокс: они видят во мне защитника консервативных ценностей? Меня, который считает причиной многих наших нынешних бед пятнадцатилетнюю войну НАТО в Афганистане, а причиной войны — тогдашних консерваторов, включая ту же Ангелу Меркель?

Ты знаешь, что я так же далек от европейских консерваторов, как ты от Свидетелей Иеговы или от «Братьев-мусульман»!

Вообще, забавная компания этот фонд Ангелы Меркель. В правлении двадцать человек, шесть мусульманских богословов, роскошных седовласых господ европейского вида из Турции и Египта, два китайца-конфуцианца, три иудея — из Германии,

Голландии и Антверпена — за каждым века талмудизма — и десять христианских консерваторов, все как один в синих двубортных костюмах, как метрдотели в хорошей гостинице. Из всей банды двум-трем меньше пятидесяти.

Вряд ли эти господа ознакомились с моим трудом в оригинале, а не по рецензиям прессы. Но они не глупы. Они расчетливы. Они знают, что я стал популярен, и так же хорошо отдают себе отчет в том, что я скорее «левый», нежели «их». Оттого дают премию. Их расчет рационален: про премию напишет пресса, и вроде как выйдет, что я теперь «их».

Никто ничему не учится, мой дорогой Ханс. Никто не извлекает уроков из своих ошибок, по крайней мере в Брюсселе. Они безжалостно проводят в жизнь то, что считают рациональным, по-прежнему пренебрегая моим тезисом, главным тезисом той самой моей книги, за которую меня премировали: обман в последней инстанции, обман в форме рационального, то есть в форме того, что мы, пятидесяти-шестидесятилетние европейцы, еще принимаем в качестве идеала — такой обман в итоге обернется изнанкой и крахом рационального! Если я не ошибаюсь, есть фраза в писании: кто пал ниже, поднимется выше. Я думаю, верно и обратное — только падший ангел может стать дьяволом.

Lange Rede kurze Sinn. Я им на вручении так и сказал. Я напомнил 2005 год, позорные выборы в Афганистане, которые наши свободные страны признали демократическими, потому что избрать того, кого тогда избрали, представлялось рациональным и даже гуманным ввиду альтернативы — талиба или какого-нибудь другого рьяного исламского богослова. Что после этого произошло? То, плоды чего мы сейчас пожинаем. Вдруг изо всех щелей обратно на свет полезли талибы. Вдруг немцы, еще молодые ребята, принялись обращаться в ислам, и поехали в афганистаны-пакистаны, воевать. Против чего? Против несправедливости! Их называли заблудшими овцами, искали причины в неблагополучии семей, в трудном детстве — только причина совсем в ином. Причина — это разочарование в идеале. Поднявшийся выше рухнет ниже. Парадокс в том, что это мой тезис, об этом книга — но «они» дают мне премию за «защиту консервативных ценностей». На дворе 2018 год, в Европе неолиберализм ускоренным темпом трансформировался в неоконсерватизм, а в Амстердаме вообще больше нет деления на левых и правых, там есть те, кому за тридцать пять — сорок — это консерваторы, и «кифферы» (примечание — от «киффен») на другой стороне баррикад. Этим до двадцати пяти. Ты же помнишь, как год назад там

«кифферы» палили баррикады, перекрыли мосты через каналы. А в отрядах специальной полиции и добровольческих дружинах, разметавших «кифферов», не было ни одного мужчины младше тридцати!

Я им, из фонда Ангелы Меркель, так и сказал, что мой мнимый консерватизм, то, что они приняли за консерватизм — это, наоборот, проявление левацкого начала, сильного во мне. Я против крушения основ морали, но именно поэтому я — в крайней форме — не против даже террора! Как хирург не может быть принципиально против ампутации. И что ты думаешь, Ханс, они возмутились? Они передумали вручать? Они изгнали меня из своего храма на Avenue Louise? Ничего подобного. Они даже не утрудили себя тем, чтобы меня переубедить! Только переглянулись меж собой, как будто им ведома высшая мудрость, а я — неразумный юноша с прошлым «киффера», которого они посредством разумного воспитания и поощрения, терпеливо перевоспитают в «своего».

Вот тогда я вспомнил твой давний-давний совет: на Западе не верить ласке и подаянию, но никогда от них не отказываться, чтобы не обнаружить своего понимания ловушки и не нажать врагов на всю жизнь. Так что премия у меня в руках, и, если ты все же решишь нарушить твой обет больше ни ногой на Запад из твоей крепости

(не знаю даже, как теперь правильно формулировать, восточная твоя крепость или оплот западного материка, в зависимости либо от географического, либо от этнологически-демографического принципа. Поэтому буду придерживаться принципа дуальности), так вот, если ты выберешься ко мне в гости, в мой теперь ставший восточным, ориентальным, западный город Кельн, у нас будет на что погулять, как в прежние времена.

Правда, я теперь опасная компания. Стоило газетам написать о моей премии имени Ангелы Меркель, как на мой абонентский ящик в интернете пришло письмо от какого-то активиста левого крыла партии «пиратов». Зовет предателем, грозит убить. Вот так просто. Еще пару лет назад я бы на такую писульку не обратил бы внимания, но после баррикад в Амстердаме и взрывов в Париже к угрозам «кифферов» я стал относиться серьезнее. Поскольку, несмотря на недовольство жизнью и собственным путем, смысла в ней еще не утратил окончательно. Тем более, рядом Артур, который во мне нуждается.

В любом случае, ждал бы тебя в гости, особенно если ты захватишь с собой ящик твоего любимого берлинского темного Воск. Я надеюсь, большие перемены последних лет не отразились на его качестве? До Нового года я не намереваюсь

надолго покидать дома, буду на месте. И так задержался в Брюсселе. После премии, уже журналистом, неделю был в Европарламенте. Там заседали. Слушания по энергополитике, (но это тебе скучно), по положению в Киргизии и в Непале. Тебя интересует положение в Непале? А вот их интересует. И ни слова за неделю о положении в Брюсселе, в Париже, в Амстердаме. На заключительном фуршете я подошел к зампредседателю комитета Европарламента по безопасности. Он немец, раньше служил в пресс-службе Цу Гуттенберга, мы с ним с тех времен ходим в знакомых. За рюмкой кофе я задал ему вопрос, что они себе думают с «кифферами», с «братьями-мусульманами», с введением судов шариата в Марселе и в Кадисе? Целую неделю я там вытерпел ради возможности задать ему на ухо этот вопрос, целую неделю мучил себя их крашеным крюшоном с вишневым сиропом. Ты этого напитка и пивом-то не назовешь, Ханс. Знаешь, что он мне ответил? «Молодежь, воспитанная в сытости, склоняется к анархии, — сказал он, смерив меня сверху вниз, благо он детина высокорослый, — они склоняются, но от шоколада не откажутся. Европа всякое пережила, и это переживет, если сохранит рамочные условия».

Ханс, европарламентарии там, в Брюсселе, живут на другой планете. Через два квартала от

парламента, где они заседают, район. Там одна школа, одна церковь, две мечети, четыре филиала исламских банков, ни одного Spielhalle и шесть школ рукопашного боя. А Европарламент спорит о резолюции по Непалу. Трое суток ломали копыя. Можно ли поступиться европейскими ценностями демократии ради редкоземельного металла, в котором у старушки Европы обнаружился острый дефицит! Нельзя, говорят. Этот парламент — кругосветник, на котором не заметили, как вода из под него ушла. А на мостике все стоят, выбирают курс, всматриваются в даль. Как у них так выходит? Ведь они сами где-то живут, в том же Брюсселе их дети тоже учатся в школах, жены бывают в магазинах. И ведь самое удивительное, что у них все самосогласованно: парламенты собираются, правительства работают, институты демократии и права шлют отчеты. Рамочные условия непоколебимы. В свое время я прочел записки, дневники Йозефа Геббельса. Знаешь, что поразило меня больше всего? Красная Армия уже воевала в Германии, уже генералам вермахта стали ясны масштабы провала, а Геббельс совершенно искренне пишет фюреру о том, что после победного окончания компании необходимо построить 56 тысяч домов, чтобы решить жилищную проблему. Мне вспомнились эти строки, когда я услышал, что «Европа и это переживет». Вот от этого всего мне

не по себе. В этой логике я не нахожу себе места.

По старой памяти я в Брюсселе рискнул зайти в клуб. По-французски я так и не читаю, но увидел на вывеске парней в белых кимоно, и слово «каратэ» написано. А внутри, перед самым залом, коврик для намаза, надписи не по-японски и, замечу, не на французском. Парни все как на подбор. Серийного производства. Раньше, в самом начале века, так «Аль-Каиду» изображали, детей пугали. А из зала удары по мешку — молотят, как черти, тупо молотят по мешку. Вот тебе и все белое кимоно! Они меня не изгнали, не предложили потренироваться, ни-че-го. Они меня не заметили. Как будто меня нет. Вот точно так, как мои европарламентарии не замечают их. И меня.

Потому сижу в президиуме, а счастья нет. По большому счету, хочется жить для того, чтобы быть услышанным. Затем возникает потребность быть понятым. И так, ступенька за ступенькой, ты поднимаешься к тому, что недостижимо. Ты на чердаке, над тобой небо, но тебе оттуда только вниз. Я написал книгу, которая многое объясняет, но она никому не нужна. Ни тем, ни этим.

Можно сосредоточиться на личном, что я и постараюсь сделать. Слава богу, тут тоже достаточно проблем. Ты о них знаешь. К слову: получил подробное письмо от моей Марии. Она пишет, что не только не думает о разводе, но к

Новому году собирается посетить нас с Артуром. Вена ей нравится по-прежнему больше Цюриха, (не говоря уже о Кельне), но Мария не уверена, что долго сможет там еще пробыть. Судя по тому, как она пишет, в Вене, в отличие от Брюсселя, без стеснения говорят открытым текстом об истинной ситуации в Европе. Венцы называют себя южным бастионом христианской цивилизации и очень гордятся тем, что сумели отстоять в своем парламенте пакет законов, который в Брюсселе уже заклеямили как дискриминационный. Об одном и вы на вашем одерском востоке не могли не услышать, и, как я полагаю, тебе он должен был прийти по душе. Это запрет на конвертацию в ислам без согласия родителей до 25 лет. Там еще закон о трудовых мигрантах, черта оседлости для переселенцев (причем черта в прямом географическом значении, поскольку венцы не побоялись указать на условную черту между «пара-исламской» и «пара-христианской» Европами, и это в толковании закона! Бургомистр Вены не стесняясь, употребляет в речи словосочетание «обратные мигранты» и «обратные переселенцы» — это про таких, как ты, Ханс! Представляю себе лица европарламентариев, все знающих о демократии в Китае и Непале. Кстати, тут отчасти ответ на твой вопрос, кому принадлежит изобретение самого термина

«пара-исламская Европа». Это венцы виноваты. Венцы тянут линию через себя, через Север Италии, Венгрию, выше по Швейцарии, югу Германии на ее Восток, как раз к тебе, на Одер, и потом в Польшу и на Север, в Балтику. И учитывают анклавов Севера Франции, севера Испании, севера Германии, бельгийский Брабант и часть Голландии. Кельна в анклавах нет, так что мы с Артуром и наш с тобой добрый костолом Аксель не имеем больше шансов поселиться в самой Вене и севернее ее. Тебя позабавит, что Марии этот пакет законов пришелся по душе. Как я ее понял, Вена кокетничает своей ролью пограничного города и старается изо всех сил дразнить тем Брюссель. В 60 километрах южнее начинаются поселения румын, цыган, хорватов и турок, но в самой Вене «Альбертина» ломится от очередей на экспозицию Моне и Ренуара, выставка мастеров Возрождения в музее Марии-Терезы молодежью посещается так, как не бывало за последние 40 лет, а Моцарт и Бетховен снова популярны почти как Фалько с его «Амадеусом». Сам Фалько переживает второе рождение в Австрии. Самые высокие конкурсы — на германистику и европейское римское право! И самое смешное — Мария пишет, что у них в Вене среди молодых повальное увлечение — не поверишь! — снова останавливаться на красный свет, не обгонять по правому ряду, пропускать на

зебрах. Вот такой у них там гэк. Причем и на четырех, и на двух колесах. Как у вас, на Одере, уступают на зебре? И если да, то еще или уже?

Да, Вена заостряет свою речь, а Брюссель морщит нос, мол, не политкорректно. Мой знакомый немец из Европарламента так мне и сказал: «Вена да Варшава, они виноваты в эскалации, они совершенно не умеют вести политику».

Театральная жизнь в Вене бьет ключом. Как в любом приграничье, там живут, как в последний день перед Страшным судом. Как ты сам понимаешь, Марии это очень по душе с ее ночным нравом и тягой к богеме. Их труппа в Вене имеет успех, так что она там не скучает.

Я наблюдаю за Артуром, и мне кажется, он привык к бытию на расстоянии от Марии и даже рад, что хотя бы она больше не досаждала ему советами, расспросами, подозрениями. Довольно ему меня одного. Впрочем, у него, как и у меня, свое на уме, и до моих книг, как и до Брюсселей, ему дела нет, как мне — до его тинеджерских фокусов. Слава богу, за неделю моего отсутствия Артур не выдумал никакой новой глупости, да и Аксель по моей просьбе наблюдал за ним, насколько позволяла его работа. Будет печально для меня, если Аксель последует твоему примеру и переедет на Восток. У вас там, на Одере, еще черты

оседлости под сурдинку не ввели? Не знаю, говорил ли он тебе или писал ли, что его верная подруга жизни Гудрун задумалась над тем, не пора ли им переезжать. Не хочу за его спиной трепаться с тобой на эту тему, но меня она беспокоит. Никто не может свернуть нашего могучего Акселя с пути истинного, но Гудрун для этого достаточно одного слова...

Фацит: я вернулся из Брюсселя в расстроенных чувствах, но с деньгами, и предлагаю их пропить, поскольку принадлежат они мне не совсем по праву. А то, что досталось не по праву, не может использоваться во имя высоких целей — так нас, по крайней мере, учит Коран. Значит, потратим их во вред нашей печени и во имя сокращения наших не очень полезных жизней. Но каким сладким может быть такое несправедливое умерщвление! Собственно, искусство — это такое умирание и есть. Засим прощаюсь с тобой, дорогой Ханс, и, как обычно, во имя поддержания возникшей эпистолярной традиции, жду от тебя столь же подробного ответа и рассказа о твоих делах. Поскольку, как говорил мой старый мастер боевых искусств еще в Москве, традиция — это основа мироздания.

Твой Виктор, 4.12.2018

Ханс-1

Халло, Виктор!

Конечно, я извиняю тебя за то, что так долго был вынужден ждать от тебя признаков жизни. Но все нормально. Это как с детьми. Мать всегда говорила обо мне: «Пока не вопит, с ним все в порядке». Поскольку ты тоже какое-то время должен был пребывать в ожидании письма от меня, теперь можешь догадаться: со мной все хорошо. И с моей Марией тоже. Другое дело, что, несмотря на годы семейной жизни с ней, мой русский все еще недостаточен, чтобы в одиночку и полностью справиться с переводом твоих писем. Позор и пепел да падут на мою голову. Я должен больше учиться. К сожалению, время уносится от меня как безумное. И с каждым годом все быстрее, так что я задаюсь вопросом, с каким ускорением мне еще по силам справиться.

Увы, читать твое письмо мне радости не доставило. Непереносимо видеть, что с тобой не все в порядке. Это хорошо, что твоя книга успешно расходуется в Испании и во Франции. И жаль, что при этом ты существуешь с чувством, будто ничего не можешь изменить. Но положи руку на сердце:

чего ты ожидал? Ты что, всерьез рассчитывал спасти мир или, по меньшей мере, изменить его парой сотен страниц? Парой искренних слов изменить осанку заостеневших в своих креслах политиков, не говоря уже о том, чтобы побудить их признать свои заблуждения и поменять политику? Извини меня — тогда я считал тебя умнее, чем ты есть.

Я в твоих строках читаю лишь о проблемах и разочарованиях. Даже фонд, наградивший тебя, на самом деле тебя наказал, выставив под обстрел, причем, возможно, сделано это было именно с этим расчетом.

А я мало что знаю о терках между консерваторами и кифферами. Честно говоря, я бы поржал над этим, если бы речь не шла о печальной реальности. Все, будь то политики или миссионеры, улучшатели мира, прокламируют все делать на благо народа. Но кто еще верит в это? Политики стоят на службе, чтобы увеличивать богатство. Свое собственное, а также богатство промышленников, банкиров и вообще тех, у кого более чем достаточно денег. Если ты вздумал спасти мир или его улучшить, для этого есть только один надежный путь: умножай богатых, умножай их, как в сказке. Невозможно? Тогда ищи признание у богатых, красивых и сильных. Завоюй их на свою сторону, для своего дела. Тоже

невозможно? Тогда ищи путь, который еще никому не известен и которого, вероятно, не существует.

Если угрозы в твой адрес усугубятся, надо обмозговать, не следует ли нам выпивание Wockbier осуществить во Франкфурте-на-Одере. В любое время ты — желанный гость. Размышление следует расширить — а не лучше ли тебе собрать твой походный вещмешок и махнуть сюда, на Восток? Ни тебе кифферов, ни левых анархистов, ни тебе Шариата, ни одиночества. Только совместное сосуществование, которое для анархистов хуже чем ладан для чертей, потому что им такая жизнь скучна. Я думаю, и Акселю следует прислушаться к его умной жене. То, что сейчас стараются изобразить венцы, бранденбуржцы умеют уже давно. И, возможно, даже лучше. Тут нет никаких официальных законоположений или законопроектов. Их политически было бы непросто или даже невозможно провести. Бранденбург — это все еще Германия, а Германия — это Евросоюз. Но существуют неофициальные порядки, и они функционируют очень неплохо. Мы с Марией катаемся много, вдоль и поперек объезжаем эту землю, поскольку наш комивояжерский гешефт требует доверия между нами и покупателями. А езда, мы многое видим. Но чего мы не видим — так это мечетей. Правда, это свежее и неожиданное

впечатление для глаза? Хорошо, католических и евангелических церквей тоже не столь много, но все же они имеются, причем как церкви, так и их прихожане. И хотя, как ты знаешь, я не верующий, но это часть немецкой культуры. А нет мечетей — нет и мусульман. Конечно, проблемы есть и здесь. Юношеского пубертета никто не отменял. И тут встречаются несостоявшиеся судьбы и жизни, упершиеся в разорение. Но в общем и целом — мирное добрососедское сосуществование, которое во многом зиждется на широком выборе занятий для того, чем заполнить свободное время, не наступая соседу на нерв и сохраняя с ним дистанцию, обусловленную нашей культурной традицией. А футбол остается первым номером среди видов спорта. Ты же всегда был поклонником футбола? Как, удастся еще найти зазоры в твоём плотном календаре и поиграть? Или старые кости больше не пускают на поляну? Что у Артура? Напомни, сколько ему лет? Эх, на такой вопрос я должен был бы ответить самостоятельно, но честно признаюсь, что забыл. Спортом он занимается? Как с тем, чтобы перенять твоё мастерство бойца из рук отца и передать это по наследию дальше, потомкам? Или для такой перспективы никаких шансов? Что у него на уме?

Крапая тебе это письмо, я попутно размышляю: зачем ты вообще живешь в

Вестфалии? Как может такой умный человек как ты, держаться за этот угол Германии? Твоя Мария очевидно не чувствует себя там как надо, а у Артура там слишком много возможностей наломать дров и заниматься ерундой. Так отчего ты до сих пор не на пути на Восток? То, что здесь тебе придется придерживаться правил дорожного движения, серьезной причиной считаться не может. Это тебе же на пользу, ты тоже моложе не становишься... Кстати, клубы боевых искусств имеются и здесь. Не знаю, удовлетворят ли они твоим высоким запросам, но почему не приехать и не попробовать? Тем более тут есть Ханс! Я! Я был бы так рад, если бы ты образовался поблизости от меня. Ясно, что ты много в дальних разъездах, но даже недели, даже дни, которые ты проводил бы здесь, дали бы возможность общаться, вместе совершать прогулки, и, может статься, тут или там пригубить рюмочку водки... Сколько еще оснований мне перечислить? Давай, напиши мне, если ты не считаешь их достаточными для переезда. Я тогда подберу еще парочку.

То, что моей ноги больше никогда не будет на западногерманской земле, можешь считать риторическим заявлением. Если я тебе понадобится, я, естественно, приеду. Но то, что я уже никогда вновь не обоснуюсь там — мое слово.

С Акселем я поддерживаю лишь очень

умеренный контакт. Дело тут не в недостатке симпатии, а в нехватке времени. Впрочем, возможно, не хватает общих тем, они стали слишком быстро исчерпываться. С тех пор, как я перестал заниматься боевыми искусствами, фундамент для общения треснул. Но я не драматизирую. Есть другие вещи, которыми можно заниматься вместе, например, грилить. Когда ты в последний раз гулял на природе, с шашлычком, с хрустящей зажаренной свининкой? Как у тебя сейчас со слюноотделением? Началось? А если я дополню это сочными сосисками, салатиком и свежим бренденбургским пивом? Уж это и Аксель и Гудрун любят не меньше, чем местные обитатели. Уж извини, дополнительных причин для твоего переезда сюда мне не следовало приводить, я обещал отложить это на случай твоих возражений. Но я найду еще...

А то, что там, в Брюсселе, живут как на другой планете, я не сомневаюсь. Но я не думаю, что пара полыхающих баррикад или единичные протесты свернут их со своего курса. Я полагаю, что готовится раскол Европы и что «Холодная война» выходит на новый круг. Правда, не уверен, что этот термин правомочно употреблять. В конце концов, это пережиток из времен борьбы коммунистов с капиталистами. И все-таки я вижу основания его использовать, поскольку это была

война без армий, как и сейчас. Пока. Извиняюсь, я написал «пока». Надеюсь, так это и останется. Возможно, уход в самостоятельное плавание Вены — шаг просчитанный, и имеет в качестве политической цели сохранить войну в ее холодной фазе. Теперь Вена в глазах одних «город-герой», в глазах других — это нехорошие ребята. Но мне представляется, что это лишь начало цепочки. А то, как будет протекать цепная реакция, ты сам более-менее описал. Я с интересом жду, как дело будет обстоять с Берлином. Будет ли вновь возведена стена? Только на сей раз несколько выше? Будет ли он освобожден? Как думаешь? Разве для журналиста разбираться в этом — не тема? Не попадание в яблочко? Писать об этом, присутствовать там, наблюдать своими глазами. Ох, извини, еще одно искушение для тебя. Я для себя решил привести хоть немного в движение свое тело, чтобы быть готовым к «Часу X». Не имею представления о том, простят ли это намерение мои суставы, но тягу вновь их задействовать я порой испытываю. И ведь тоже задача, которую следует довести до конца: остаться сносным бойцом в летах. Кредит, взятый на наш дом, почти выплачен, моя Мария замечательно справляется с собственным бизнесом самостоятельно, а с тем, что на мою долю остается — интернет — страницы нашего маленького предприятия, рекламы, работы

«телефонистки» и сопровождающего ее секретаря, я вроде бы справляюсь, так что, почему бы не сделать что-то для тела? Не желаешь ли мне в этом помочь? И не слаще ли мое предложение, чем описанная тобой «сладкая смерть»? Дадим нашим печеням еще один шанс и поучаствуем еще пару лет в этой жизни. Вопрос остается: Кельн или Франкфурт-на-Одере? Прежде чем отвечать, перечитай мое письмо еще разок, пожалуйста.

Да, и еще: твой главный тезис про Афганистан как причину нынешних бед я не до конца понял. Если можешь, сформулируй его еще раз в более простых словах, поскольку, как ты знаешь, мой русский не сто-о-оль блестящий и я не столь силен в политике, как ты. Хорошо бы, если у тебя выйдет достать для меня твою книгу, хотя я подозреваю, что ее немецкого перевода не дожждаться? Или как? Вообще, что ты намерен сейчас делать? Ты ведь не собираешься, в самом деле, уйти в частную жизнь? И что с твоей Марией? Она приезжала к вам или ты не приветствуешь этого? Надеюсь, последнее не соответствует сути вещей. Что касается нас, то мы приступаем к подготовке к празднику. Не могу сказать, что я люблю Рождество, но нам есть чем заняться. А когда дни обжорства останутся позади, я рассчитываю осуществить свое намерение, о котором написал выше. Ты знаешь, по сути, я ленивое животное, но я надеюсь так пнуть сам себя,

чтобы встряхнуться.

Вот такие дела, мой дорогой Виктор. Надеюсь, ты проведешь праздники не в депрессии и одиночестве, это тебе не идет. Если будет настроение, прыгай в поезд и на Восток, к нам. Я тебя встречу на вокзале. Только дай знать, когда. Если же нет, то попразднуй с людьми, которые для тебя что-то значат, и хорошо встретить Новый год. А мы, как обычно, будем рады приветствовать тебя, или вас, у нас, и желаем вам всего самого доброго. Пиши, я жду писем от тебя. Поскольку если ты не приедешь, то только они остаются. Все лучше, чем забвение.

Твой Ханс.

Франкфурт, 23.12.2018

Виктор-2

Здравствуй, дорогой Ханс!

Несмотря на праздники, почта быстро доставила твое письмо, благодаря чему я получил возможность в качестве ответа поздравить тебя с Новым годом. Не уверен, что успею дописать к 31 декабря, но, по крайней мере, начал отвечать еще в

2018 году.

Кстати, к твоему сведению, Рождество в наших кельнских краях справляется по-прежнему исправно, как и десять и двадцать лет назад, поэтому мое восхищение почтовой службой не пустая фраза, если судить по дате отправления твоего письма. Эта дата дала мне основание заключить, что ты, как порядочный житель Германии, хоть и не ставишь высоко католическую и прочую церковь, однако стараешься к Рождеству подвести и завершить важные дела — к коим, надеюсь, относится и ответ твоему другу из Кельна.

И этой же организованностью и приверженностью заведенному порядку я объясняю некую, на мой взгляд, поспешность или усредненность суждений, высказанных в твоём последнем письме.

Но, как говорил мой старый мастер боевых искусств, двинемся от простого к сложному. Начну с твоего намерения вернуть себе двигательную активность и вспомнить старое доброе время, когда руки служили не только для того, чтобы ими поднимать пиво.

Я хорошо запомнил приговор доктора Йенша из университетской клиники Кельна, когда он в последний раз выпускал тебя из больницы. «Старая лошадь меньше заездит суставы, чем Вы. Человеку стыдно с таким пренебрежением относиться к

собственным конечностям. Борьба Вам заказана». Выходит, что возвращение в родные восточные земли оказало на тебя столь же благотворное воздействие, как во времена оные прикосновение героя нынешних праздничных дней к небезызвестному Лазарю? Или ты намереваешься тренироваться сидя? О последнем пишу безо всякой иронии, а, напротив, с полной серьезностью, поскольку уже не первый месяц ради забавы собираю по кубикам систему тренировок «сидячего боя». После того, как я перестал тренироваться в клубе, это мое хобби. Наверное, им хорошо заниматься в поезде и в тюрьме. Не дай бог, конечно. Хотя, как говорят в России, от тюрьмы да от сумы не зарекайся... При случае покажу тебе несколько интересных упражнений, которые выполняются, не вставая со стула. А уж в возможности вести бой сидя не тебя мне убеждать. Не знаю, как ты, но я хорошо помню стычку с дзюдоистами во фрекенской пивной «У Ивоны» лет десять тому назад, в дни карнавала. Тогда большой Йохан, заводила из дзюдоистского клуба, обнаружил недюжинный слух и сквозь шум и гам услышал, как ты, споря с Акселем, назвал кельш не пивом, а мочой. Не поленился ведь, подошел к нашему столику со своей обидой, вот ведь надо было ему! Только услышать то он услышал, а кто говорил — не разобрал и по ошибке схватил за

воротник Аксея. Смельчак Йохан, выбрал самого большого среди нас. А ты, не приподнявшись со стула, ткнул его в живот так, что Йохан едва не оказался головой в камине. Хорошо, что он был лыс, как страусиное яйцо, большой Йохан. Спасибо Ивоне, она тогда нас сумела разнять, угостив кого-то из дзюдоистов, а заодно бедного, ни в чем не повинного Аксея старой доброй кочергой. Дзюдоистам с тех пор она запретила приходить в пивную по пятницам, в наш день. А все потому, что ты ударил сидя, то есть, выходит, вроде как защищался. Тогда мне это показалось само собой разумеющимся, но, как я сейчас понимаю, для Ивоны это оказался сильный удар по карману. Йохан выпивал за вечер кельша больше, чем за месяц все мы трое, непобедимые бойцы карате. К тому же дзюдоистов в пивную всегда ходила толпа, вокруг большого Йохана крутился целый выводок пивососов.

Да, у Ивоны мы с тобой провели не один десяток вечеров, а сейчас пивная закрыта. Говорят, народ перестал ходить, вот и закрылась. Может быть, из-за нас и перестал? Мы отвадили Йохана, а сами, с твоим отъездом, забыли Фрехен. Правда, я слышал, что Ивона стала болеть, а дочка, заступившая вместо нее за барную стойку, с делом не справлялась, кочерги не хватало. И народ, тот, что из постоянных посетителей, постепенно

отхлынул. Ивона вернулась, но потерь не восстановила...

Меня это воспоминание подвело к одному из тех вопросов, о которых ты писал, мой друг.

Бывает, стоит убрать с места одного лишь маленького человека — будь то большой Йохан или Ивона — и многое, поначалу незаметно, изменяется вокруг.

В пивной, на улице, в городе, в стране. Ты упрекнул меня в наивности, заподозрив намерение «двумя строками» исправить мир, повлиять на политиков. А самих политиков, как класс или касту, низвел до алчных слугителей «золотого тельца». С последним не стану спорить сейчас, в этом месте, хотя твой тезис — решительное упрощение гораздо более опасной ситуации, состоящей в том, что среди массы жрецов власти и злата встречаются люди, движимые идеалами и идеями. Но как раз они, чаще всего, становятся наиболее опасны, их-то идеалы обращаются в противоположное, подтверждая фразу, будто благими намерениями устлана дорога в ад. Почему? Возможно, я буду готов ответить тебе на этот вопрос, хотя, собственно, отчасти этому посвящена моя последняя книга. Я этот ответ назвал «принципом бумеранга». Сейчас же хочу обратить внимание на другое и привлечь тебя на свою сторону.

Мне не раз доводилось приводить точку

зрения Льва Толстого на могущественных политиков, диктаторов, кумиров — на наполеонов своих времен — как на самых зависимых людей. Тот, кто стоит на вершине пирамиды власти, на плечах других, только в собственной самоуверенности убежден, будто ведет за собой массы людей. На самом деле он в силах вести их лишь в той мере, в которой он сам следует воле массы, ее инерции. И чем он выше забрался, тем более зависим. Меня поражает, как до сих пор далек этот тезис от существующих представлений людей, а ведь ему посвящена одна из самых известных книг 19 века... (К слову, о паре строчек или страниц, призванных изменить мир — в «Войне и мире» четыре тома. Моя нынешняя книга не многим тоньше. Тем удивительнее ее успех в Испании и Франции. Видимо, дело в привязанности романской литературы к большим романам).

В свое время Ньютон предложил законы описания физического мира. Три штуки. Я полагаю, что в духовном мире также существуют свои похожие законы. Я ищу их. В отличие от религии, которая вроде как постулирует принципы различения добра и зла, моя гипотеза в том, что на самом деле это законы трансформации добра во зло. Благими намерениями да в ад.

Вокруг одного из законов я давно уже топчусь, что медведь возле сотов. Я для себя назвал

его «законом подобия». Фокус в том, мой дорогой Ханс, что по-настоящему тонкие материи и конструкции, а, значит, и решения, определяются не столько показателями масс, скоростей, валовых продуктов и объемов национальных бюджетов и зарплат, а пропорциями, античными соотношениями, сечениями, и, как сейчас обнаружили физики-математики, показателями глубины подобия (они названы фракталами). Подобие — единственный известный мне способ непосредственной связи микромира с макромиром без потери энергии и информации. Подобие — форма вневременной полной передачи информации. А целостная информация, наверное, и есть духовность, потому что самое коварное — это упрощение при разделении некоего явления на добро и зло. А это, в свою очередь, значит, что человек, маленький человек, человек внизу пирамиды, может изменить целый мир. Может стать, даже двумя строками, если они призваны не убедить некие массы, а освободить самого себя. Задать образец освобождения... А свобода, освобождение — это путь ко все более тонкому и сложному видению правды, ко все менее грубому разделению всего цельного на добро и зло. То есть дело не в том, чтобы кого-то переубедить, а в том, чтобы не пасть жертвой собственной слепоты.

Проблема не столько в том, что мы делаем из

жизни, сколько в том, что жизнь делает с нами. В этом одна из причин, по которым я не стремлюсь ко второму в моей жизни большому переезду, на сей раз из Кельна на восток.

В самом деле, в начале 90-х я приехал в другую Германию, нежели та, которую я наблюдаю вокруг себя ныне. Ни первая, ни вторая не годятся для того, чтобы их называли раем на земле. Первая была благополучной, болтливой, избалованной, неискренней, порой даже лживой, а порой, на нижних слоях пирамиды, она дарила замечательные образцы честного отношения к себе, смелого, даже беспощадного к себе ума, несгибаемой верности дружбе. Эти всегда редкие образцы перестали служить подобием для всей пирамиды, и пирамида, несшая в себе некий единый принцип, почти превратилась в разнородную массу материалов. Вторая, нынешняя Германия — уже и не Германия. Тем важнее мне, хронисту века, не бегать от событий, а проследить за ними до конца. Возможно, трагического конца.

В каком-то смысле я получаю по заслугам, поскольку сам призывал в душе и на бумаге, в тех самых двух строчках, к наказанию нашего Запада — за плутократию, за двуличие. За прикрытие собственной порочности и корыстолюбия самыми высокими идеалами — человеколюбием, свободой, благородством защитника слабых и униженных. За

обман в последней инстанции, как я писал тебе в последнем письме. За то, что упрощенно и совсем лапидарно назвали «экспортом демократии». За Ирак и Афганистан. Что ж, на том стою.

Я расскажу тебе одну историю о том, какой я вижу, вернее, какой видел Германию. Когда мы с Марией приехали сюда, а было это аж в мохнатом 1993 году, ей вскоре предложили спеть в зале музыкальной школе Фрехена. Ты ее должен помнить, это старинное здание с капеллой в двух домах от «Ивоны». Она спела, а через два месяца директор школы позвал ее туда играть в местном оркестре. Я хорошо помню директора еще по тем временам: небольшого роста, пятидесятилетний тогда мужик, коренастый, крепкая загорелая шея, на ней посажена голова боксера, глаза живые и меткие. Герр Шешковиц. Чем-то он, как я сейчас понимаю, был похож на тебя, ежели бы не очки, рыжие волосы, которые я принимал за парик, и рыжие прямые усы (Мария утверждала, что они седые, а он их подкрашивает хной или какой-то еще снедью). Шешковиц уже тогда был небедным человеком, в добрые 80-е он удачно вложил средства в недвижимость, но вышло это у него как-то легко, само собой, и не сделало из него бизнесмена. Жизнь его проходила в музыкальной школе. Он сам преподавал, и преподавал хорошо, а еще самозабвенно играл на трубе, причем играл

столь же бездарно, сколь беззаветна оставалась его преданность музыке.

За год до того, как Мария с ним познакомилась, Шешковиц выбил для школы новое помещение — с той самой капеллой. И его осенила мысль, что в такой замечательной капелле, в зале, просто необходимо поставить орган. Орган — это храм музыки. Это не гитара, даже не рояль, его не перевезешь с места на место, что походную палатку. Сказано — сделано. Директор нашел спонсоров — в начале 90-х это было делом осуществимым. Но все же орган — вещь очень дорогая, и собранных денег хватало только на детали органа, но не на сборку, собирать инструмент школе надлежало самой. В прямом смысле, своими руками. Что ж, Шешковиц бросил клич, сформировал группу согласных заняться таким рукодельем. Но как дошло до дела, энтузиазм у помощников исчез, они растворились в звуках вальсов, и рыжий Шешковиц, один, плюнув на летний отпуск, за шесть недель каникул поднял орган, притом не по схеме, а по собственному разумению, потому как пришлось вносить коррекции по ширине. Над его причудой многие смеялись так же, как над его игрой на трубе — но с той поры в школе городка Фрехен звучит орган. И это не вся история.

Раз в год в школе празднуют день рождения

органа. Рыжий Шешковиц собирает свои октетты и квинтетты — прости, если что не так назвал — и целый год репетирует, а потом, сразу после Нового года, они дают концерт. Русская поэтесса Ахматова писала: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда...». Это тот самый случай. Мастера музыки, лауреаты и профессора снисходительно смеются над тем, как наш Шешковиц машет рукой, будто он не дирижирует, а саблей сечет воздух, над тем, как потеет и багровеет его лоб. А он уперся обеими ногами в землю — и уже двадцать четыре года любители на глазах собирают великую музыку так же, как он сам собирал инструмент-храм. Я хожу из года в год, а после того, как от нас уехала Мария, со мной приходит Артур. Артур ходит ради меня, и это моя победа! Были там прошлым январем. В холодном зале раньше, в 90-е, в 2000-е, в 2010-е, сидели десять-двадцать зрителей, почти все люди пожилые, и вдруг — сто, сто пятьдесят, есть и школьники. А перед нами — старый рыжий человек, крепко упирающийся в землю. В храме европейской музыки он упрямо заставляет эту музыку звучать на весь Фрехен из самого живота храма. Ему не нужно ни выше, ни шире, но то, что он задумал, что создал, он не уступает. Над ним больше никто не смеется, не те пошли времена. В него ради чего-то верят, от него чего-то ждут. А он

не изменился, он делает то же, что вчера. Признаюсь, в тот последний раз меня в зале, в капелле, посетила странная тревога, как бы не прилетел в окно камень, как бы гудящий над городом Бах не навлек на его исполнителей гнева со стороны нынешних обладателей вечерних вестфальских улиц, будь то «братья-мусульмане», «кифферы» и иже с ними. Бах должен быть так же противен им, как звук пастушьего рожка для взбесившихся коров. Как бы не нарушили. Я в зале почувствовал в себе инстинкт защитника, охранника! А рыжий старый Шешковиц страха не знает. И пока он здесь, для меня Фрехен остается той Германией, которую я уважал. Больше того, я думаю о нынешнем концерте — он пройдет через две недели — и ловлю себя на том, что хотел бы один остаться в зале, его последним слушателем, последним охранителем. Тогда можно сказать, что я знаю, зачем остался здесь, в Кельне. Я и Артур. Любимый мной поэт советской эпохи писал:

«Вселенский опыт говорит, что погибают царства не оттого, что тяжек быт или страшны мытарства. А погибают оттого (и тем больней, чем дольше), что люди царства своего не уважают больше».

Или, чтобы тебе было легче вычленишь из русской поэтической строки сухой остаток немецкого смысла, «государства гибнут, когда их

бургеры перестают их уважать».

Добавь к этой истории мой первоначальный тезис о подобию, и ты получишь, что один человек, если он не вождь, не политик, а такой вот рыжий Шешковиц, или ты, или я, то есть камень с самого низа пирамиды, упершись в землю, может изменить мир. Потому что мы создаем образец общения с этим миром, который передается подобием, то есть разом и всему нашему племени. Я назвал этот эффект «пчелиным подобием», потому как пчелы улья каким-то образом мгновенно узнают на большом расстоянии о том, что происходит с их товарками, и меняют образец своего поведения.

Далее, ты отмечаешь, что мое прошлое письмо полно жалоб и разочарования. Боюсь, что я дал тебе основания не совсем верно понять причину этого разочарования, но в основе ты, конечно, прав. Упаси меня бог сетовать на судьбу за то, что некие господа в Брюсселе глухи к прогнозам и предостережениям некоего журналиста из Кельна. Тем более, к предостережениям хоть и сбывающимся, но уже запоздалым. Дело, вероятно, в ином: я становлюсь скучен сам себе. Хотя окончательного диагноза себе и этой скуке я еще не поставил. Но допускаю — это разочарование в том, что стал озираться по сторонам. Подозрительность сужает кругозор и превращает его в точку зрения. А, может быть, я обнаружил, что отчасти повторяю

путь старшего брата. Как ты знаешь, он был на моей родине видным политиком из числа тех, что однозначно опровергают твой тезис о злате. Его влекли идеалы — свобода, демократия, права человека, верховенство закона. Он ненавидел Империю зла и приложил немало усилий к тому, чтобы эта империя рухнула. И что теперь? Теперь он должен был бы торжествовать. А он живет под Амстердамом и с ужасом взирает издалека на плоды собственного труда, а в непосредственной близости — на то, какими цветами зла вспыхивают его идеалы и чем они могут пахнуть. Кстати, тут мне приходит на ум твой тезис о холодной войне и, в этой связи, некий очередной парадокс — не закончись та холодная война, не расколись Империя зла — не было бы сейчас «пара-исламской Европы» и предчувствия того, что ты, как я понял, называешь новой холодной войной, только уже на берегах Рейна, Дуная и Одера. Что же до твоего рассуждения о правомочности использования самого термина «холодная война», уже отслужившего свой срок за эпоху послевоенного противостояния социалистического интернационала и капитализма, то твое предложение извлечь «холодную войну» на свет божий из музея истории особенно пикантно тем, что ныне мы наблюдаем, как стремительно сближаются так называемый «исламский

интернационал» и леваки из числа коммунистов и анархистов. Сближаются на почве борьбы с «золотым тельцом». Впрочем, это уже чистая политика, ваших земель касающаяся, наверное, меньше чем наших, поскольку у вас, как я понимаю, «исламский интернационал» корней не пустил. Зато леваки и коммунисты в силе. Но я отвлекся...

Итак, я отчасти повторяю путь брата. Я должен был бы торжествовать, наблюдая, как сбывается в Европе мое предсказание и как падает на Старый свет кара за грехи, на которые я указывал в статьях, в книгах. Но разве я знал, что пророк не должен переживать дней осуществления пророчества, как отец не должен переживать своего сына, иначе судьбина сулит ему смутную старость!

Убежать от себя можно гораздо быстрее, чем прийти к себе. Мне кажется, и тебя не миновала чаша сия. И тут я подхожу к следующему закону, подобному тому, что создатель современной диалектики Гегель назвал «отрицанием отрицания». Да, я был настроен видеть лучшее, а теперь жалуюсь. Но обрати внимание на самого себя: живя в Кельне, ты выступал самым безжалостным критиком здешнего образа мысли и образа жизни. Лжи, показушества, трусоватости при анализе самих себя. Я не знал здесь другого человека, кто был в большей мере способен не закрывать глаза на

правдивое, нежели ты. Пусть правда была, хлестала больно. Я в нашем общении с тобой казался себе простодушным оптимистом, скользящим по тонкой корочке льда над глубокими черными водами правды. Но вот ты на Одере, за новой невидимой стеной, и пишешь мне с удовлетворением об отсутствии мечетей и о мирном благостном бюргерском взаимо-существовании, легкой помехой которому — пубертирующие подростки. Но какова цена и изнанка этого? Не ты ли сам за годы нашего знакомства сто раз рассказывал истории, как избавлялись от турок и иже с ними в Саксонии, Тюрингии или Бранденбурге! Как, стоило им появиться, местные бюргеры, отнюдь не подростки, сжигали их лавки, их «денер-кебабы», в случаях крайних — и их жилища. Как, плюя на голоса политиков из Бонна и Берлина, еще в ранние 90-е в небольших городках огнем и мечом выживали чужаков с юга Европы, как не давали им работы даже дворниками. Ты сам убеждал меня, что не следует верить газетам и экрану, когда я, удивляясь, спрашивал, почему тогда об этом не сообщает пресса. Ты говорил, что пресса молчит о той тихой войне, которая объявлена иммигрантам в восточных землях.

Я далек от того, чтобы осуждать воинов. Я историк по духу, и мне понятно, что там, где сталкиваются жизненные интересы миллионов,

люди, как и сто и триста лет назад, все еще берутся за факел. Таковы мы все еще в низости нашей. В конечно счете, на кону стоит выживание целой культуры. Но я повторяюсь: цена такой победы бывала и остается велика, потому что самое опасное — не то, от чего нам удалось защитить наше окружение, а то, чем пришлось пожертвовать ради этого внутри нас самих.

И то, что ты, вернувшись в родные края, жертвуешь (возможно, неосознанно) безжалостной правдивостью твоего взгляда — это нехороший, предостерегающий знак. Если уже ты — в моих глазах честнейший из честных, лучший из лучших — примешь эрфуртский «коричневый треугольник» за пубертет, а нынешние призывы варшавских клириков к крестовому походу до Дуная и до Сены, к тому же огню и мечу, за *friedliches miteinander*, то мне нет места в Европе, но уже ни в той, и ни в этой.

Извини, что выразил мысль и эмоцию в заостренной, полемической форме. Такое я допускаю только в общении с самыми близкими мне людьми. Кстати, ты пишешь, что твоя Мария часто ездит по восточным землям, ведет там бизнес. Что конкретно означают упомянутые тобой *inoffizielle Regelungen*? Как к ней относятся люди? Ведут ли с готовностью дела с иностранкой? Или она полностью избавилась от акцента? Впрочем, ее,

в отличие от моей Марии, никто не примет за южанку, а русские корни и выговор можно спутать с польскими, что, в свете нынешней дружбы ваших восточных землячеств с Варшавой, может даже сойти за благо. Или слухи о братании Бранденбурга с Польшей сильно преувеличены? В Брюсселе они вызывают такое выражение лица, какое бывает, надкуси вместо груши лимон. Вообще, я начинаю обращать внимание на то, что с информацией между нашими двумя Европами дело обстоит из рук вон плохо. Не оттого, что ее мало, а оттого, что много. Так много, что она перестает восприниматься. Как говорил мой старый мастер каратэ, «если хочешь, чтобы ученик ничего не понял, покажи ему или слишком мало, или слишком много». Меня поразило, что ты не слышал о баррикадах «кифферов» в Амстердаме. Думаю, что не слышать ты не мог, но не обратил уже внимания на фоне общего падения доверия к информации и увеличения ее объема. Видно ты, как честный Ханс, просто перестал смотреть новости! Зачем смотреть то, чему не веришь? Я же понимаю, что совершенно не представляю себе картины того, что творится на самом деле в упомянутом тобой Берлине, хотя репортажи из столицы вижу каждый день по десять раз.

Но ответь мне на еще один вопрос: ты сам, теперь уже, по выражению бургомистра Вены,

«повторный эмигрант», или репатриант (хотя это понятие подразумевает возвращение в ту же страну) — не испытываешь ли ты сам на себе отношения как к человеку второго сорта со стороны окружающих? Ведь ты в их глазах бежал на «продажный Запад», пока они пили свою чашу истории до дна и отстаивали свою Европу? (Теперь ее принято называть «христианской» в пику нашей, «пара-исламской», но, думаю, ты согласишься со мной, что в этом кроется примитивное упрощение. Во-первых, выдавливание чужаков мало общего имеет с христианством как таковым. Во-вторых, ваши анархисты и леваки такие же христиане, как наши «кифферы» — мусульмане. В-третьих, парадоксальным образом вашим христианским клерикалам из Варшавы или Дрездена оказалось куда проще договориться с нашими седобородыми исламскими умеренными консерваторами — с советами улемов в Марселе или Париже — нежели с собственными левыми. К слову, в этом я вижу причину того, что Европа пока все же не развалилась на две части, и Брюссель по-прежнему как-то руководит ей). Есть ли людям, среди которых вы живете, дело до твоей личной героической истории побега из ГДР? И вообще, есть ли в Бранденбурге немцы первого и второго сорта? Как ты себя ощущаешь с соседями, в местной пивной, у врача — не дай бог, конечно? И

много ли там таких как ты, повторно вернувшихся из бывшей ФРГ в бывшую ГДР, но уже как в Германию из «не-Германии»?

Но довольно вопросов к доброму Хансу, теперь время ответов для Виктора. Начну с самого простого — о возрасте Артура. Ему 18. Признаюсь, моя специфическая память крепко хватает ассоциации, но слаба на возрасты и даты рождения, даже если это даты ближайших родственников. Но тут мне в помощь Миллениум. (Я, чем дальше седею, тем больше уподобляюсь человеку древности, отмеряющему возраст по событиям жизни и природным катаклизмам). Артур родился в 2000 году. В тот Новый год, в Сильвестр Миллениума, Мария как раз перестала кормить грудью, и мы с ней впервые оставили Артура на сиделку и отправились в Париж на две ночи, к ее друзьям-музыкантам. Под Парижем мы попали в пробку, и приход нового года встречали на площади Бастилии, в толпе, среди сотни чужих людей. Там я впервые познакомился с парижскими алжирцами. На Марии была дорогая шуба, а сама Мария была красива и свежа, как будто роды не добавили, а смыли с ее чела заботы и тяготы. Алжирцы подошли к нам в общем веселье и предложили сыграть в игру — кто дальше прыгнет с места. Я был тогда еще молод, я хорошо прыгал, к тому же был навеселе от арского шампанского,

которое мы не довезли друзьям. Но у парня оказались не ноги, а пружины, он взлетел, что кенгуру. Мы с Марией посмеялись над моим очевидным поражением, и собрались двигаться дальше, но те парижские ребята потребовали с проигравшего плату: шубу или ее начинку. Объяснили, мол, это их площадь, тут за прыжки плати. И, без долгих разъяснений, показали из-под полы нож. Тогда я с места прыгнул еще раз, на локоть дальше кенгуру. Тут еще какие-то американские моряки подошли, тоже стали прыгать, и алжирцы отступили, исчезли. Но знаешь, в чем фокус? 1 января, днем, на эту же компанию мы нос к носу наткнулись во время прогулки в одном из переулков Латинского квартала, неподалеку от Сорбонны! Только теперь их было меньше, всего трое, а я не выпался, и был зол с похмелья. Я предложил снова попрыгать, уже не на их площади Бастилии, а в чужом районе. Вожак-кенгуру только полез в карман, тут я его и схарчил, уложил с одного удара. Остальных и трогать не пришлось, сами оставили поле брани. Но наш гид, пианист из парижских армян, лично знававший самого Азнавура, поторопил нас поскорее смыться. Он так и сказал: «Через пять минут тут станет черно. Они тут уже дома». В его устах это прозвучало особенно убедительно. Я тогда впервые обратил внимание на то, как

европеец больше не чувствует себя дома в одной из своих исторических культурных столиц. То был запомнившийся мне Новый год. Мы вернулись в Кельн, а Артур болеет какой-то редкой болезнью. Еле подняли его тогда. Некоторым трудно дается отказ от молока матери.

Теперь у нас другие болезни. Я постепенно приблизился к сложной для меня теме. Она непосредственно касается и твоего вопроса о возможности моего переезда к тебе, на восток, в «пара-европейскую Европу».

Артур влюблен. История банальна, впрочем, любая банальность перестает быть таковой, когда касается лично тебя. Прежде, как ты, может быть, помнишь, предметом его страсти была турчанка, теперь это марокканка. Он влюбился в марокканку, прекрасную, как Суламифь. Так я ее и буду звать впредь, хотя зовут ее совсем не так, то ли Джамила, то ли Джамия... Как ты понимаешь, никаких тебе свиных отбивных и сосисок на гриле! Что поделать, Артура не влекут «дочери Альбиона», в его юном сердце размещен фильтр, пропускающий только теплую восточную красоту. Судя по всему, он унаследовал впечатлительность и тягу к яркости, присущую моей Марии. Хотя не уверен, что ему, так же по наследству от нее, передалась ее рассудительность. А чтобы у нас с ним на двоих оставались хотя бы одни мозги, я нахожусь при

нем. Шутки шутками, а история оказалась серьезной. Я постараюсь донести до тебя ее суть намеками в надежде, что письма читаются, отслеживаются выборочно, в отличие от электронной почты и телефонных разговоров. Кстати, просьба: сохрани эту историю пока при себе, не передавая ее даже твоей Марии.

Итак, родители девочки не против этой связи. Они не настаивают ни на конвертации Артура в ислам, ни даже на соблюдении всяческих ограничений, накладываемых на отношения неженатых их обычаями и верой. Притом они вовсе не либералы, напротив! Не знаю, наслышан ли ты о новом течении, которое с быстротой ветряной оспы распространяется среди европейских мусульман. Оно предписывает «отпускать» младших дочерей для браков с европейцами без обязательного соблюдения заповедей шариата. Не мне тебе объяснять математический и демографический резон такого решения, — его принял один из советов европейских улемов. Но на нас с Артуром оно оказало самое непосредственное влияние. Против такого хода, (с точки зрения долгосрочной перспективы мягкой исламизации, возможно, прозорливого), в их среде, особенно среди молодежи, возникло свое протестное движение. Оно даже уже имеет название — мусаисты, по имени некоего Мусы, вроде бы чеченца, живущего

в Копенгагене, чей отец, опять же по легенде, погиб в боях с НАТО в Афганистане в конце двухтысячных. Видишь, какие тонкости я уже постиг! Увы, не от праздного любопытства. Эти ребята, типа наших европейских право-коричневых, защищают чистоту ислама, порой путаясь и вспоминая о расовой чистоте. «Братья-мусульмане» их поддерживают деньгами. Короче говоря, Артуру, его красотке и ее родителям они объявили джихад. Слава богу, в наших краях эти ребята не так сильны, как хотят казаться, но их сил хватило на то, чтобы надрезать девочке щеку для остратки (хорошо еще, попали ближе к уху, но мимо шеи). Отцу повезло — только шины на его «Мерседесе» прокололи. А в полиции пошутили, что это теперь мелочь, Bagatellschaden, хотя пообещали найти и разобраться. Об охране Bullen слышать не хотят, ты же знаешь правила игры... При их скромном финансировании я их отчасти понимаю. Хотя, с другой стороны, они сами тоже не на Луне живут, у них самих наверняка есть дети, братья и сестры. Правда, в «своих» анклавах и кварталах они работают иначе... Артур с друзьями, конечно, взялся за поиски, что, учитывая темперамент и бурный переходный возраст, (этапы которого, шаг за шагом, отмечались в полицейских актах, а начало этого пути ты застал), ничем иным, кроме решетки, ему не сулит, не говоря уже о худшем исходе —

сейчас вся молодежь при ножах, а то и со стволами. Ты можешь себе представить, каким искусством убеждения я должен был воспользоваться, чтобы его отговорить! Das war ein Kunststück.

Я убедил Артура сосредоточить усилия его команды, в которой, к слову, есть и турки, и армянин, и араб, и курд, и поляк, и несколько немцев, (не говоря уже о братьях подруги), на охране девочки и ее родителей, и пообещал сам заняться местными мусаистами. Слава богу, моего авторитета на то хватило, и, опять же, слава богу, моя Мария находится в безопасном отдалении. Из Вены она не в силах нарушить возникший между мной и Артуром пакт. Она не в курсе, и потому я не тороплю ее посещения, тем более принимая в учет ее умение и по менее нервным делам за минуту приводить Артура в состояние бешенства и неуверенности в себе.

Ты знаешь, что я стараюсь свои обязательства соблюдать. Я опущу кое-какие подробности, и сообщу только одно: кто-то, ко мне никакого отношения не имеющий, каким-то образом выследил местного лидера мусаистов и объяснил ему границы между теорией и практикой. В свое время российские ветераны чеченской войны рассказывали мне, тогда еще сравнительно молодому журналисту, как спецслужбы возвращают похищенных боевиками. Они находят

родственников боевиков, а дальше проверяют, столь ли крепка воля джихадистов или сепаратистов, чтобы жертвовать самыми близкими. Это так называемый «израильский метод».

Так вот, кому-то, с израильским методом знакомому, удалось внушить местным мусаистам, что сила действия может равняться силе противодействия. При этом их местный Муса пострадал. То ли ему сломали пару пальцев, то ли вышибли пару зубов, то ли не ласково придавили гениталии, то ли и то, и другое, и третье...

Я, как ты понимаешь, совершенно тут не при чем, однако полиция не нашла ничего лучшего, как заподозрить меня. Сложив в своих полицейских мозгах дважды два, они завели на меня дело. Мол, я специалист, я же в их глазах почти родственник пострадавших, то бишь имею мотив. Никаких следов, ведущих ко мне, нет, но есть подписка о невыезде. То бишь в брюссели по делам я разъезжать могу, а вот съехать насовсем — дело проблематичное. Не говоря о том, что приходится общаться с адвокатом, что я предпочитаю делать лично, не по телефону. Это еще одна причина отрицательного ответа на твое предложение. Есть и другая: Артур, конечно, сейчас ни за что не захочет оставить свою Суламифь. Хотя, не скрою, к моему приятному удивлению женитьба в его планы не входит. Странное дело, но он иногда на себя как

будто глядит со стороны, верее, из собственного будущего, издалека. И оттуда понимает, видит, что его нынешняя жизнь с ее восторгами влюбленности, безумствами дворовой гульбы и прочее и прочее — это только этап. Больше того, он видит некоего «себя будущего», выросшего и пришедшего в состояние стабильности и гомеостаза, а там альянсу с Суламифью места, кажется, нет. Все-таки где-то живы, зреют в нем материнские ум и рассудительность, и это по-настоящему дает мне силы и импульс жить, и жить здесь. Подозреваю, что ты с моим тезисом вряд ли согласишься. Твоя безжалостная логика откажет в наличии ума тому, кто дает развиваться и цвести безнадежным и, возможно, убийственным цветам. Но тут я вернуть к началу, к законам Ньютона. Законы духовного мира должны быть нейтральны к добру и злу, они должны описывать не отличия добра от зла, а трансформации одного в другое.

Теперь отвечу на последний из твоих вопросов об Артуре. По моим стопам он не пошел, регулярные тренировки с ритуалом и поклонами, с послушанием и отжиманиями ему претят. Но он ходит с друзьями то в боксерский зал, то к тайландцам, то еще куда-то. Природа наделила его не пугливым характером, мышечной резкостью, ростом и приличной силой, а я в детстве ему

поставил удар, тренируя на крохотной груше. Так что на улице он не воробей. Но, как ты прекрасно понимаешь, для мастерства и для продолжения традиции нужно гораздо большее, нежели навык давать по морде.

В этом отношении сын Акселя внушает мне большую надежду. Он не имеет и трети той двигательной одаренности, что Артур, но с немецким старанием и последовательностью идет во след отцу. Чаком Норисом он не станет, но, как говорили древние, в пирамиде, славящей фараона, только один камень верхний. Что касается Акселя, то мне пришлось отчасти вовлечь его в нашу криминальную историю, поскольку Артур к нему прислушивается, и во времена моих отъездов Акселю выпала доля надзирателя за «неразумными».

Но моя совесть не совсем чиста, поскольку я знаю, что раскрой я ему все карты, расскажи о мусаистах, и он, в отличие от тебя, отойдет в сторону. Не от слабину даже, а в силу убеждения, впитанного с молоком матери, что в конечном итоге со своими проблемами каждый должен разбираться сам. И так он включился в наши разборки тайком от Гудрун. Очень боюсь втянуть его в ту часть реки, где течение по-настоящему сильно. И отказаться не вижу пока возможности.

Вот такие дела творятся в наших кельнских